

Абхазия-92

Такая вот «мирная» жизнь

представляем автора

Владимир Аршакович Хастян после окончания аэroteхнического училища гражданской авиации работал бортинженером авиаалайнера Ту-134 в Сухумском авиаотряде. В начале войны летом 1992 года на территории Абхазии выполнял гуманитарную миссию по перевозке раненых военных и беженцев из гражданского населения в обе стороны от линии фронта. Экипаж авиаалайнера был интернациональным: командир – осетин, второй пилот – грузин, штурман – русский и бортинженер – армянин. После войны работал в авиакомпании «Черномор-Авиа», а затем – по приглашению руководства – в авиакомпании «ЮТэйр» до выхода на пенсию в 2011 году. Именно в Тюмени он и начал записывать свои воспоминания.

Поначалу, в июле 1989 года, всё обошлось «малой кровью». Но так только чужие скажут: малая кровь. А у близких – огромная невосполнимая потеря

Текст **Владимир ХАСТЯН**

В КОНФЛИКТЕ на межнациональной почве тогда погиб начальник смены отдела перевозок нашего Сухумского аэропорта Алексей Когония. Его убили выстрелом в грудь. Затем в течение трёх лет атмосфера в республике только накалялась. Вечером 13 августа 1992 года я направился в штурманскую комнату для ознакомления с планом на вылет. Все службы работали в обычном режиме. Мы жили в тревоге, но ничто не предвещало скорой беды. План полётов на завтра был уже составлен. Я просмотрел его и нашёл свою фамилию, против которой было написано: «Рейс 970, маршрут Сухуми–Москва–Сухуми. Время вылета в 11.15». Ознакомился с нарядом и вернулся обратно в общежитие, где проживал с женой и двумя сыновьями. Старший ходил во второй класс, младшему было полтора года. По пути встретился со своим экипажем и другими лётчиками. Поговорили о предстоящем рейсе, о хорошей погоде, о том, что после рейса надо бы сходить на море: скоро лето закончится, а мы толком и не купались. Постояли ещё, любуясь тёплым вечером, послушали тишину и разошлись.

Утром, почувствовав неясную тревогу, решил не оставлять жену и малолетних детей в районе аэропорта.

Посчитал, что времени достаточно, чтобы отвезти их в безопасное, как тогда казалось, место – к родителям жены, в село Лабра Очамчирского района.

Трасса была свободной. Ни одной машины - ни попутной, ни встречной. Это показалось странным. На участке от Дранды до Кодори возле дворов стояли люди, оживлённо разговаривали, размахивая руками. Пустая трасса, эти разговоры, закрытые ларьки (чуть ли не каждый второй житель держал перед своим двором ларёк), отсутствие коров на выпасе – всё это усиливало тревогу, но мы ехали дальше.

Трасса в том районе относительно прямая. Вдруг впереди, примерно в двух километрах, появились движущиеся машины, и мы услышали грохот. Я понял, что это боевая техника. Войска Госсовета (*Грузии – ред.*) двигались в сторону Сухума. Когда мы встретились на трассе, я взял машину вправо и остановился. После войны прошло уже столько лет, но до сих пор перед глазами те каменные лица и стальные взгляды солдат. Мы выдержали эти взгляды.

В тревоге добрались до Тамыша и повернули налево, в сторону села Лабра. Перед въездом в село, у моста нас остановили местные ополченцы, попросили рассказать, кого мы видели и что происходит на трассе. Мы рассказали и въехали в село.

Жители села занимались в основном табаководством. С вечера, после захода солнца, когда спадает жара, до наступления полной темноты собирали табак, потом перевозили его с полей в сараи. Когда мы приехали, население было занято низанием табака. Я заглянул в сарай и сказал, что, возможно, началась война, и надо заняться делами поважнее. Видимо, никому не хотелось верить в плохое, никто не обратил внимания на мои слова. Некоторые старые фронтовики даже усмехнулись: «Какая война? Она в 45-м закончилась, теперь мирное время!»

Я не стал разубеждать. Времени в обрез, нельзя подводить экипаж, пора в обратный путь. Да я и сам не хотел верить, всё ещё надеялся, что войны не будет. Не должны наши доблестные политики допустить такое. Оставил семью и наказав детям, чтобы вели себя хорошо, поехал в аэропорт.

Меня встретили ребята из нашего экипажа, сообщили, что рейс отменён, и рассказали, что было во время моего отсутствия: «Прилетел вертолёт, на небольшой высоте сделал несколько кругов над аэродромом и привокзальной площадью, перелетел через дорогу, туда, где паслись коровы. Выпустил две ракеты, перепугал всех коров и улетел».

После этого началась неразбериха. Прилетел из Тбилиси самолёт с военными. Аэропорт заполнили люди с автоматами. Кто-то кому-то давал какие-то указания. Разговаривали громко, в приказном тоне. Ошарашенные пассажиры не знали, где приткнуться, куда бежать.

Полёты отменили, я пребывал в замешательстве. Если по дороге в аэропорт ещё надеялся, что буду мимо пронесёт, то теперь надежда растаяла. Необходимо принять правильное решение. Но в такой ситуации очень трудно понять, какое решение правильное.

Решил узнать, что происходит в окрестностях. Направился на разведку. Машина моя была не первой свежести, поэтому я не волновался, что ее отнимут. Поехал в сторону поселка Агуздер. Вблизи районного центра Гульрипш у автобусной остановки собралось много народа. Там грузинское войско встретило первое

сопротивление, которое с лёгкостью преодолело за счёт численного превосходства и вооружения. В перестрелке шальная пуля убила девушку-грузинку, которая со своего балкона наблюдала за происходящим. Эта была первая жертва среди мирного населения.

Часть военной техники двинулась в сторону Дранды, но вскоре вернулась и продолжила движение в сторону Агуздера. В том посёлке жили мои родственники, я беспокоился о них, поэтому оставил машину у знакомых во дворе и направился дальше пешком. Когда я приблизился, то услышал автоматные очереди. Это отряд Госсовета стрелял в Агуздере по жилым пятиэтажкам, на крыши которых прятались абхазские ополченцы. Идти дальше было бессмысленно, я вернулся, забрал машину и поехал в аэропорт. Там меня сразу окружили сослуживцы, начали расспрашивать.

МЫ ЗНАЛИ О ВОЙНЕ только понаслышке, видели издалека – по телевизору, вот почему не сразу оценили масштаб бедствия. Не могли предугадать, что события этого дня повлекут за собой гибель тысяч людей, покалеченные, сломанные судьбы; что каждый из нас, независимо от национальности, пострадает в этой войне, потеряет близких.

Мне, как и многим другим, было необходимо прервать семью подальше от зоны военных действий. 16 августа мы попытались выехать из села Лабра по направлению к Сочи. Центральную трассу для гражданских лиц перекрыли грузинские военные. Машины наши могли и расстрелять. В связи с этим решили ехать по просёлочной дороге и выйти на трассу поближе к Кодорскому мосту. В селе Атара Абхазское нас остановили абхазские защитники, пять или шесть человек. На их лицах читалась растерянность. Старший среди ополченцев отозвал меня в сторону, поинтересовался, куда и зачем едем, расспросил о ситуации в соседних селениях.

Проехав ещё несколько постов, добрались до Келасури. В машине кроме наших детей находились дети наших родственников. На Келасурском посту, так же, как и на предыдущих, я объяснил старшему из проверяющих, что увозжу детей подальше от зоны боевых действий. Он категорически настаивал, что дальше ехать нельзя. Это смертельно опасно: идут бои за здание Совета министров

республики. В его глазах я заметил печаль. Мы не стали рисковать детьми, развернулись и поехали обратно.

Спустя два дня, 18 августа, решили ещё раз испытать судьбу. Сухум уже полностью контролировали грузинские войска. Доехали мы до Гумисты. Перед мостом нас предупредили, что он заминирован. Предложили вернуться обратно или попробовать проехать через реку.

Когда подъехали к реке, обнаружили большое скопление машин. На левом берегу не было ни одного боевика, а на правом, куда нам нужно было перебраться, территорию контролировали абхазские ополченцы. Река обмелела из-за засухи, вода доходила до пояса, можно перейти вброд. Заметив наших детей, ополченцы перешли реку и поспешили на помощь. Они забрали детей и перенесли на другой берег, предупредив, чтобы мы поторопились, так как с минуты на минуту может прилететь вертолёт, начнется обстрел территории.

Помогая друг другу, мы перекатили машины через реку. Поблагодарили ополченцев, забрали детей, выбрались на трассу и поехали в сторону Гудауты. Доехали без препятствий. Далее территорию до российской границы контролировали грузинские войска. Перед Гагрским постом нас остановили, тщательно осмотрели автомашину в надежде найти золотые изделия и деньги. Когда поняли, что нет у нас ни того, ни другого, захотели отнять машину, хотя у неё был жалкий вид.

Не могу представить, чем бы всё закончилось, если бы недалеко от поста не началась перестрелка, и наши мучители, забыв про нас, побежали на звук выстрелов.

Поздно вечером 18 августа, на пятый день войны, пересекли последний пост и въехали на территорию Российской Федерации.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ я приехал в Сочинский аэропорт с надеждой встретить кого-нибудь из наших лётчиков. Услышал объявление о прибытии самолёта из Сухума, предъявил на КПП пропуск и направился к стоянке, куда принимали наш самолёт.

Расспросил о ситуации последних дней. Мне сказали, что, возможно, скоро всё закончится, и аэропорт опять заработает в штатном режиме. Предупредили, что если не появлюсь на службе, меня могут уволить по статье. Страна переживала кризис, во всех отраслях специалистов сокращали тысячами. Потерявшие работу соглашались на любые условия ради того, чтобы прокормить семью. Высококвалифицированные специалисты, в том числе из лётного состава, тоже попадали под сокращение. Обдумав ситуацию, я решил вернуться и продолжить работу.

В те годы любой сотрудник Аэрофлота мог полететь «зайцем». Достаточно было подойти к экипажу одетым по форме, показать пропуск или другой документ, удостоверяющий принадлежность к Аэрофлоту.

Прилетел я в Сухумский аэропорт и увидел толпы беженцев. Крик, шум, причитания, дети плакали. На территории хозяйничали военные с автоматами в руках. Давали указания, в зависимости от величины вознаграждения, кого в первую очередь сажать в самолёт.

Я направился в лётный отряд для получения информации и определения своей судьбы. В отряде всё было по-прежнему. Так же составлялся наряд на следующий день, только количество вылетов значительно сократилось – летали в основном в Москву и в Сочи. Почти весь личный состав находился на работе, отсутствовали

только абхазцы. Настроение у всех наших было паршивое: отсутствие классных летчиков абхазской национальности восприняли как большую потерю.

В Сухумском отряде, да и во всех других отрядах, отношения строились независимо от национальности, и коллективы были дружные. Лётчикам нечего делить, кроме неба, а неба хватит на всех. Помню несколько случаев, когда грузинские лётчики, рискуя собой, оказывали помощь абхазским лётчикам, которые не успели вовремя покинуть зону, контролируемую грузинскими боевиками.

Я зашёл в штаб, доложил, что отсутствовал по уважительной причине: вывозил семью из зоны боевых действий. Готов приступить к работе. Меня выслушали как-то вяло – сказывалась общая обстановка. Поставили в наряд на Сочи.

На следующий день, когда я пришёл принимать самолёт, осматривать его и готовить к вылету, обнаружил, что вместо бортпроводников ходят бойцы с автоматами: следят, чтобы никто без их ведома не проник в салон. В переднем багажном помещении бойцы что-то делили между собой, эмоционально разговаривали и курили. Когда я зашёл в пилотскую кабину, там тоже находился боец с автоматом. Спросил меня: «Экипаж, да»? Я подтвердил: экипаж, буду готовить самолёт к вылету. Попросил бойца по мере возможности оказать помощь в работе, иначе самолёт не долетит до пункта назначения.

Самолёт – сложная техника, это все понимали, и на тех, кто им управляет, смотрели как на неземных существ. Видимо, поэтому боевик тут же согласился помочь.

Первым делом призывал сидящих в салоне к тишине, потом отогнал людей, куривших под самолётом, на безопасное расстояние. Я начал заправку. Топливо было в большом дефиците, его использовали для боевых машин, поэтому разрешение на заправку самолёта давал самолично командир аэропорта: минимальное количество, и ни грамма больше. Мы не привыкли летать с таким запасом топлива, но делать нечего, пришлось.

После заправки началась так называемая «посадка пассажиров». Мы не вмешивались, потому что за лишние слова можно было расплатиться жизнью. Все, кто среди боевиков пользовалась хоть малейшим авторитетом, старались просунуть своих людей. Помимо входной двери, где установлен трап, атаковали служебную дверь, лезли в передний багажник и через задний багажный люк.

Бывали случаи, когда я не мог пробраться через салон к заднему багажному отделению, чтобы закрыть люк, так как люди стояли плотной массой, будто в автобусе в час пик. Приходилось спускаться по трапу, обходить самолёт и закрывать задний багажный люк снаружи, а потом уже пробираться в кабину, чтобы занять своё место и готовиться к запуску. В такой ситуации о соблюдении безопасности полётов и думать перестали, надеялись лишь на взлётно-посадочную полосу.

Сухумская взлётно-посадочная полоса предназначена для приёма и выпуска самолётов всех типов, какие только есть на планете. Её длина 3640 метров, ширина 60 метров. Она считалась одной из самых перспективных полос нашей страны. А Сухумский аэропорт практически ни на один день в году не закрывался по метеорологическим условиям.

После закрытия дверей и люков мы стали готовиться к запуску двигателей. Запустили. На приборной доске загорелось табло «Минимальный остаток топлива». Вылет с минимальным количеством топлива равносителен самоубийству, и если бы не война, нас могли осудить за такой вылет как преступников. Теперь же приходилось сознательно нарушать инструкцию. Самое большое, что мы могли, – мобилизовав все свои профессиональные знания и умения.

В один из сентябрьских дней я должен был навестить родственников, живущих в пяти километрах от аэропорта. Местность, по которой предстояло идти, находится на возвышенности. Сверху можно наблюдать соседнее село, до которого три-четыре километра. Погода стояла тёплая и сухая, как обычно в Абхазии на исходе сентября. Село внизу просматривалось отчётливо, я слышал чуть ли не каждый шорох, доносящийся из села.

Вдруг тишину разорвал рёв двигателя: в сторону села двигался танк. Подъехал к одному из дворов, снёс ворота и резко вкатил во двор. Из танка с деловым видом вылезли несколько молодчиков с автоматами, начали палить в воздух и бешено кричать, призывая хозяев выйти на улицу. Мужики, как по команде, высыпались из окон с задней стороны дома, побежали в огород и растворились в кукурузе.

Я наблюдал эту картину сверху, как со смотровой вышки. Женщины дрожали, прижимали к себе детей, которые не успели спрятаться, умоляющими возгласами просили не убивать. Молодчики с весёлыми ухмылками

приказали вынести всё ценное, а один из них, ударив молодую женщину по лицу, перечислил: «Золото, кольцо, дъенги. Все что ест». Дети начали кричать и плакать. Другой молодчик пригрозил, что сейчас перестреляет всех, и потребовал, чтобы мужчины вышли на переговоры. Из кукурузного поля до меня долетали отдельные фразы, по-видимому, из разговора отца с сыном. Старший просил младшего проявить терпение, не высовываться. Тем временем одна из женщин вбежала в дом, вернулась обратно и что-то протянула боевику. Он заорал, что этого мало, размахнулся и ещё раз ударил её, она упала. Другая женщина, старше первой, пообещала, что ещё принесёт. Принесла какой-то пакет и протянула грабителям. Новая дань их удовлетворила, они покинули двор.

Это всего лишь крохотный эпизод. Капля горя, в которой отразилась война.

ВРЕМЯ ШЛО, наступил ноябрь, погода стала портиться, начались дожди. В районе аэропорта никаких изменений не происходило, летали очень мало. Старались не выходить лишний раз на улицу, сидели в своих комнатах. Если выпадал рейс в Сочи или Москву, то запасались там продуктами. Съестное использовали очень экономно, на сроки годности продуктов не обращали внимания – если всё, что жүётся. От скучи считали выстрелы из пушки, установленной в

горах в районе села Ганахлеба. Моментами, когда вокруг становилось тихо и спокойно, только эта пушка, выпускающая снаряды примерно каждые тридцать секунд, напоминала о войне.

Бывало, из продуктов оставалось только несколько веточек петрушки. Я думал о том, что согласен всю жизнь прожить с кусочком чёрного хлеба, лишь бы не было войны, лишь бы чувствовать себя свободным человеком. Вспоминал рассказы о ленинградской блокаде: люди выдержали голод и холод и обороняли родной город в течение 872 дней.

КОНЕЧНО, время проходит, сглаживает остроту, заживляет душевные и физические раны, но всё же остаются рубцы, не дают забыть о прошлом.

Был в нашей юношеской компании мингрел Зурик Шомахия. Потом он устроился в Сухумский аэропорт водителем трапа. И вот нынче нам дают указание готовить самолёт к вылету на Москву. В толпе возле самолёта я заметил Зурика, который подогнал трап. Направился к нему, чтобы поздороваться. Не успел дойти, как боевик, находящийся в сильном наркотическом опьянении, спросил водителя трапа: «Куда летит этот самолёт?» Тот ответил, что в Москву. Тогда боевик вынул из кармана пистолет, приставил к голове водителя и со словами «А мне надо в Тбилиси» выстрелил.

Началась суматоха. Раненого тут же подняли, посадили в машину и повезли в больницу. По дороге он умер, не приходя в сознание.

Убийцу спешно увели в штаб и спрятали. Через некоторое время родственники Зурика и все боевики-мингрэлы собрались перед штабом, требуя у начальства выдать убийцу. Ответа не было. Тогда к штабу подогнали танк, направили дуло в окно и предупредили: если в течение двадцати минут требование не удовлетворят, начнётся война между грузинами и мингрэлами. Через несколько минут виновного вывели наружу.

Выглядел он жалко. Ничего не осталось в нём от того самоуверенного молодчика, который ещё недавно вёл себя как хозяин. Поставили его недалеко от КПП, один из родственников убитого прицелился из автомата и одиночным выстрелом сразил наповал. Труп валялся там до следующего утра. Наутро загрузили его в самолёт вместе с другими убитыми и ранеными и отправили в Тбилиси. По слухам, его родителям сказали, будто убили его абхазцы.

Работать было тяжело. Не понимаю, что спасало: дисциплина, привычка, выработанная на протяжении долгих лет, чувство ответственности? Наверное, это. И есть стремление помочь людям, которые стали заложниками войны. Мы понимали, что нужны им, особенно тем, кто из-за отсутствия денег и ценностей не могли покинуть зону боевых действий. Одетые в лётную форму, которая обеспечивала неприкосновенность, мы помогали гражданским независимо от их национальности: передавали пищу, медикаменты, всякую необходимую мелочь. Хочу отметить бортмеханика-грузина, который спас нашего пилота-абхазца и его семью, не успевших покинуть оккупированную территорию. Подогнал к их дому машину бортпитания, посадил всех, привёз к самолёту и запустил внутрь через дверь переднего багажника. Когда я вспоминаю этот случай, вспоминаю и другой, известный по книгам: во время геноцида армян в Османской империи некоторые турки спасали армян, прятали от своих же извергов, рискуя жизнью.

Я стоял в наряде, был запланирован заказной рейс на Украину. Когда пришёл принимать самолёт, во втором салоне техники демонтировали кресла – видимо, для перевозки груза. О составе груза нас не информировали. После заправки самолёта и выполнения работ по подготовке к вылету я запустил вспомогательный двигатель, закрыл дверь в пилотскую кабину и вышел на трап, чтобы встретить остальных членов экипажа.

Наши двигались к самолёту со стороны диспетчерского пункта, их сопровождали боевики. У лётчиков выработана привычка шагать к самолёту уверено и быстро. Однако я увидел, что они идут неторопливо, и лица у них мрачные. Когда приблизились к самолёту, командир сообщил, что нас взяли в заложники.

Под конвоем завели в кабину, приставили одного боевика с автоматом, приказали не делать глупостей, не отлучаться и ждать. Ушли.

Вернулись и приказали лететь в Тбилиси. Я напомнил, что самолёт готовили под рейс на Украину, что во втором салоне нет кресел. Мне пригрозили и приказали молчать.

Из командного пункта по радио подтвердили: надо выполнять требования боевиков.

Самолёт загрузили убитыми и ранеными. Сопровождали их медицинский работник и несколько боевиков. Мы уже привыкли и к крови, и к трупам. Но такого, что творилось в этот раз, раньше не приходилось видеть. В салоне стоял неприятный запах крови. Раненые стонали и кричали. Убитые лежали штабелями во втором салоне. Мне пришлось проходить между телами, чтобы закрыть люк заднего багажного помещения. Было жутко.

В Тбилисском аэропорту отбуксировали нас на дальнюю стоянку. С рёвом и включенными сиренами подъехали около десяти машин скорой помощи, выстроились в ряд возле самолёта. В первую очередь стали выгружать раненых. Заполненная машина с включенной сиреной тут же отъезжала, её сменяла следующая. После вывоза раненых начали выгружать трупы. Гражданских к выгрузке не допускали, всё делали боевики. Зрелище кошмарное. После завершения работ сразу, не убирая салон, запустили новую партию боевиков с автоматами и с полными боекомплектами, более 80 человек.

Когда я проходил по салону, заметил, что почти у всех растрёянный вид. Спрашивали меня про обстановку,

где теперь находится фронт. Я отвечал: «Где идут бои, не знаю, потому что не воюю». Запомнился один из боевиков, сидевший в кресле поближе к проходу. Он остановил меня, обратившись очень вежливо, и спросил, действительно ли нужно воевать и стрелять в человека. Я многозначительно посмотрел на него и промолчал. Он опустил глаза. «О господи, куда я еду, в кого я должен стрелять. Нас обманули, – причитал он по-русски с заметным грузинским акцентом. – Я работаю в школе учителем, мне надо детей учить, а не воевать». Я ничего не мог ему сказать.

При подходе к Сухуму погода была сухой и ясной, небо безоблачное, сверкали звезды. Луну заслонила тень Земли. В городе и его окрестностях отключили электричество, поэтому ночь казалась особенно тёмной. Лишь за городом со стороны Гумисты появлялись вспышки от выпущенных снарядов.

Из-за отсутствия электроэнергии все приводные системы аэропорта отключились. Компасы беспорядочно отклонялись то влево, то вправо. При посадочной скорости 270 км в час очень тяжело найти полосу и попасть на неё вслепую. Что-то блеснуло под нами, мы поняли, что прошли реку Кодори. Стали придерживаться той высоты, которая с данного расстояния соответствовала глиссаде. Увидели силуэт полосы и, благо она такая длинная и широкая, попали на неё. После посадки к самолёту подогнали грузовые машины, высадили боевиков и увезли.

Тем временем техники готовили другой самолёт для вывоза беженцев в Москву. Экипаж для выполнения рейса не нашли, предложили нам.

После кошмарного ночного рейса мы работали как зомби. Началось то же самое, что и всегда: опять крик, шум, плач, суета. После загрузки салона до предела боевики разгоняли оставшихся пассажиров, угрожая оружием. Но те подпрыгивали, старались уцепиться за двери и люк, и некоторым удавалось проникнуть внутрь. Казалось, что одни пассажиры ползут по головам других. Пришлось чуть ли не утрамбовывать их, чтобы закрыть входную дверь. И не дай Бог открыть её снова: оставшиеся снаружи вновь хлынут к самолёту, и тогда вылет задержится надолго. Вот почему я не открыл дверь молодой женщине с ребенком на руках. Она отчаянно стучала, показывала в иллюминатор малыша двух или трёх лет. Его лицо до сих пор у меня перед глазами.

Может сложиться впечатление, что мы только вывозили пассажиров из зоны конфликта. Нет, мы и ввозили. «Кому война, а кому мать родна». Те, кто до войны занимались контрабандой с опаской, теперь почувствовали свободу, наступило их время. Некоторые под видом беженцев летели в российские города, набирали продукты питания или другой товар, прилетали обратно и продавали в тридорога.

Мы не воевали, но нам хватало и того, что видели в тылу. На фронте знаешь, кто твой враг, кого опасаться. А в тылу тоже каждый день убивали, но никто не знал, с какой стороны прилетит смерть.

14 декабря 1992 года погибли наши друзья и коллеги Рудик Тарба и Лёша Пкин. Они находились на борту российского вертолёта МИ-8, сбитого в Кодорском ущелье над селом Лата. Вертолёт выполнял рейс из блокадного города Ткварчал: туда он доставил гуманитарную помощь, обратно вёз беженцев.

ПОСЛЕ окончания авиационного училища мне предложили летать в составе экипажа Гераса Табуева. Я с удовольствием принял это предложение, и мы долгое время делили радости и печали небесной жизни. Во время войны состав экипажей часто менялся, мы с Табуевым летали порознь. В последний раз встретились у КПП – я собирался в Сочи, навестить родителей. Герас спросил: «Завтра мы не вместе летим?». Я ответил, что, наверное, не вместе. На следующий день, 21 сентября 1993 года, в теленовостях сообщили, что самолёт Ту-134 с бортовым номером 65893 в 16 часов 25 минут был сбит ракетой ПЗРК «Стрела-2». Самолёт упал в море, не долетев до аэродрома 8 километров. Все находившиеся на борту погибли. В штурманской комнате аэропорта Сочи я увидел список погибших пассажиров и экипажа. Там значились: командир корабля Герас Табуев, второй пилот Отари Шенгелия, штурман Сергей Шах, бортмеханик Владимир Назарко, бортпроводницы Кето Головина и Ольга Моргуноva. Трудно передать, что я чувствовал, читая этот список.

Счастье, когда семья рядом. После тяжёлого дня или в случае неприятностей можно найти поддержку и утешение у родных и близких. Но это счастье мирной жизни, когда твёрдо стоишь на ногах. Если же нет никакой стабильности, вокруг выстрелы, ты ежедневно видишь гибель, то отсутствие рядом близких – благо.

Я вывез семью, но многие мои родственники остались в Абхазии. Некоторые просили, чтобы я помог им покинуть опасную зону. Были, однако, и патриоты, которые отказывались уехать, несмотря на унижения и смертельный риск, и продолжали работать, хотя давно не получали зарплату. В силу воспитания и чувства высокой ответственности они держались до последнего. Один из таких, муж моей сестры Владимир, работал в посёлке Агуздера в физико-техническом институте. Ежедневно

преодолевал 18 километров пешком туда и обратно. Его семья жила в Лазаревском. Когда я спрашивал «Ради чего?», он отвечал: «Пока терпимо, ещё поработаю немного». После очередного такого разговора я улетел к родителям, вернулся обратно через неделю вместе с сестрой. Она прихватила с собой немного продуктов.

От аэропорта до их дома пять километров. Мы шли по дороге ночью. Как только замечали свет фар, прятались за деревья, стоящие вдоль дороги. Машин было немного, благодаря этому мы добрались относительно быстро. Володя ещё не спал. Худой, голодный, небритый. Мы спросили: «А как дела на работе?». Ответил, что на работу не ходит уже несколько дней. И рассказал историю. Во время обеденного перерыва вышел на улицу подышать свежим воздухом. Сел на лавочку. К нему подошли два боевика из местных: «Эй, ты, что тут делаешь?». Они находились в наркотическом опьянении. Может, поэтому не узнали его. А может, развлекались. Володя ответил: «Я работаю тут, вы ведь меня знаете». – «Никого мы не знаем! Хочешь, мы тебя сейчас застрелим?». Один из боевиков, пошатываясь и размахивая руками, обратился к другому: «Скажи, чем будем убивать, автоматом или пистолетом?». Вынул пистолет из кобуры, взвёл его, снял с предохранителя, направил в висок... Володя побледнел, его прошиб холодный пот, онемел язык. Единственное, что смог выговорить: «За что?». Второй боевик сказал первому: «Ладно, оставь его. Пойдём, разберёмся с тем, который перед нами возник. Как его звали?». И боевики удалились, вспоминая на ходу имя очередной жертвы.

«Да, вот теперь, я смотрю, ты совсем созрел», – сказал я Владимиру и начал обдумывать, как вывезти его и сестру.

На следующий день был запланирован рейс в Сочи. В своей комнате переодел родственников в лётную форму. Привёз в аэропорт, провёл через КПП. Охраннику, стоявшему на трапе у входа в самолёт, я сказал «Свои», и мы прошли. Чтобы не раздражать боевиков, контролирующих салон, я посадил родственников в пилотскую кабину под видом служебных пассажиров. Остался с ними, чтобы их не высадили, пока не пришла пора закрыть входные двери перед запуском двигателей.

Самолёт тронулся с места, медленно стал набирать скорость... Оторвался от полосы. Я наблюдал и молился Богу, чтобы двигателям хватило мощности для набора безопасной высоты. Когда еле видный над морем са-

Владимир Хастян с семьёй. Снимок тех лет

молёт медленно, но уверенно стал подниматься выше, я понял, что опасность миновала, и вернулся обратно в неизвестность.

Узнав в штабе, что в ближайшее время меня не поставят в рейс, а на завтра планируется рейс в Сочи, решил навестить семью. Отпросился у командиров. При подходе к КПП я увидел вдалеке маленькую детскую фигуру, и за ней ещё одну, покрупнее. Дети бежали ко мне, их догоняла молодая женщина. Мелькнула мысль: «Как можно в такое время, когда вокруг неспокойно, не держать детей за руки!». И тут я понял, что это мои дети и моя жена Алла.

Мы всей семьёй отправились домой. По дороге Алла, уловив моё настроение, спросила: «Ты не рад? Мы по морю домой вернулись». Объяснил, что сам собирался прилететь к ним. Мы могли разминуться, и что бы они делали тут без меня?

Теперь надо думать, как отправить их обратно. «Я никуда не полечу, пока не увижу со своими родителями», – не унималась жена. «Твои родители находятся в блокаде, чтобы туда добраться, нужно пройти две линии фронта, ты понимаешь, что это такое? Зачем ты вообще приехала, рискуя своей жизнью и жизнью детей?». Она сказала, что, по слухам, война заканчивается, так говорят в Сочи, потому она и решилась приехать.

Попытки переубедить жену не увенчались успехом, и я согласился сопровождать её до первого блокпоста – знал, что всё равно дальше нам не пройти. Оставил детей у наших друзей по общежитию, вышли на трассу. Боевики с автоматами поглядывали на нас, но больше были заняты разговорами и стрельбой по птицам.

МЫ ШЛИ МОЛЧА, думая о своём. Я вспоминал, как в мирное время ходил по этой дороге на работу в аэропорт и обратно, прошагал не одну сотню километров. Раньше я срезал путь, свернув с трассы на тропинку, но теперь сворачивать слишком опасно. Когда мы удалились от аэропорта примерно на километр, на трассе стало абсолютно тихо. Не было слышно даже автоматных очередей. Изредка проезжали автомобили с боевиками. Проедут – и опять полная тишина. При приближении к блокпосту стали слышны выстрелы. Это пьяные боевики ради забавы устанавливали мишени и стреляли по ним. Жена остановилась и вопросительно посмотрела на меня. Я предложил идти дальше. За сто метров от нас какой-то боевик, с трудом удерживаясь на ногах, закончил расстреливать один рожок и достал второй. Перезарядив автомат и прицелившись в никуда, начал выпускать обойму в воздух. У него явно была нарушена координация движений – автомат опустился, пули пролетели над нашими головами. Я только успел крикнуть: «Пригнись!». Алла перепрыгнула через канаву, упала на колени и заревела. Больше мы не поднимали тему «повидаться с родителями».

На следующий день прилетел самолёт для вывоза эстонцев из зоны конфликта. Я узнал, что из-за отсутствия топлива в Сухумском аэропорту самолёт будет садиться в Сочи на дозаправку, и провёл семью на борт. Через двадцать минут после взлёта мы вместе с эстонцами оказались в аэропорту Сочи.

До окончания войны оставалось еще шесть месяцев.